

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Ханс Тиль

ВОЛКИ **ВТОРОЙ МИРОВОЙ** **ВОЙНЫ**

**ВОСПОМИНАНИЯ СОЛДАТА ФОЛЬКСШТУРМА
О ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ И ПЛЕНЕ**

1945

Ханс Тиль
Волки Второй мировой
войны. Воспоминания солдата
фольксштурма о Восточном
фронте и плене. 1945
Серия «За линией фронта. Мемуары»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68521385

*Волки Второй мировой войны. Воспоминания солдата фольксштурма
о Восточном фронте и плене. 1945 / Тиль Ханс, Пер. с англ. А.Л.*

Андреева: Центрполиграф; Москва; 2018

ISBN 978-5-227-08106-3

Аннотация

С февраля 1943 г. война стала склоняться явно не в пользу Третьего рейха, людские ресурсы Германии таяли, и в сентябре 1944 г. Гитлер издал декрет о создании фольксштурма – народной армии – последнего средства обреченных. Несмотря на свой прежний статус важной персоны тыла, Ханс Тиль попал под призыв в ряды фольксштурма. Предполагалось, что солдаты этих соединений будут защищать лишь те районы, в которых проживали, однако многие из них, в их числе автор

воспоминаний, увязли на Восточном фронте. Военный путь Тиля оказался недолгим, но ему довелось полной ложкой хлебнуть из котла солдатской жизни: жестокие бои в Померании и Восточной Пруссии, хаос гибельной эвакуации беженцев, операции по их спасению и ненависть к преступно безответственной нацистской пропаганде. Больше всего Ханс Тиль боялся русского плена, но попал в руки польских властей и на себе испытал все тяготы существования лагерного заключенного.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	7
Об этой книге и ее авторе	18
Призыв и военная служба	20
Пленение	24
Тиль как мемуарист	32
О рукописи и работе над ней	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ханс Тиль
Волки Второй мировой
войны. Воспоминания
солдата фольксштурма
о Восточном фронте
и плене. 1945

Посвящается капитану Гусу, старому немцу и деду

Серия «За линией фронта. Мемуары» выпускается с 2002 года

Hans Thiel

THE WOLVES OF WORLD WAR II

AN EAST PRUSSIAN SOLDIER'S MEMOIR OF
COMBAT AND CAPTIVITY ON THE EASTERN FRONT

Published by special arrangement with McFarland & Company, Inc., Publishers, Jefferson, North Carolina, USA

Москва

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Copyright

© 2007 Martin Thiel and Ivan Fehrenbah. All rights reserved

© Перевод, издание на русском языке, «Центрполиграф»,
2018

© Художественное оформление серии, «Центрполи-
граф», 2018

Предисловие

18 февраля 1943 года, когда война стала склоняться явно не в пользу Третьего рейха, Йозеф Геббельс, рейхсминистр пропаганды Германии при Адольфе Гитлере, призвал нацию к «тотальной войне». Нацистская Германия сражалась с того момента еще более двух лет, но, когда в мае 1945 года пришло время безоговорочной капитуляции, цену, которую немцам пришлось заплатить за нацизм, невозможно было точно определить.

Значительную часть этой цены пришлось заплатить немецким поселкам и фермам, а также мужчинам, женщинам и детям, в том числе и Хансу Тилю (1902–1974), которые там жили. Груз наказания обрушился тяжким бременем и на крупные города Германии и их население. В качестве одного из наиболее ярких примеров можно привести Гамбург. В июле 1943 года авиация союзников задалась целью стереть его с лица земли. В своей книге «О природе истории разрушений» немецкий романист и эссеист В. Зебальд (1944–2001) заметил, что всего за один только рейд 27 июля 1943 года на город были обрушены «десятки тонн фугасных и зажигательных бомб», которые принесли в густо заселенные районы города «огненную бурю такой силы, которую прежде никто просто не мог себе представить».

Зебальд высказал эту мысль спустя 50 лет после того разрушительного летнего утра. Ему рассказывал о том событии ставший его очевидцем другой немецкий писатель Ханс Эрих Носсак (1901–1977), который своими глазами наблюдал за тем, как разрушали Гамбург. Спустя три месяца после воздушных рейдов он написал воспоминания о том, свидетелем чего ему пришлось стать. Как и воспоминания Ханса Тиля, рассказ Носсака не был переведен на английский язык до начала XXI столетия. Однако титры с названием рассказа Носсака знакомы тем, кому довелось увидеть снятый в 2004 году замечательный фильм Оливера Хиошбигеля о последних днях Гитлера в апреле 1945 года, когда Красная армия, которой чуть раньше Тиль пытался противостоять восточнее, штурмовала Берлин и наносила последние сокрушительные удары нацистскому режиму. Англоязычная версия этого фильма с немецким названием *Untergang* называется «Крушение» (*Downfall*), однако, когда Джоэль Эджи переводил описанное Носсаком разрушение Гамбурга, носившее такое же немецкое заглавие, он назвал эту часть «Конец» (*The End*). Оба этих определения, и «крушение», и «конец», совершенно точно передают, что пришлось испытать Носсаку, и о них также упоминается в воспоминаниях Тиля.

Носсак с самого начала наблюдал за огненной бурей, в которую был ввергнут его родной город, из сельского домика, находившегося примерно в 15 километрах к югу от окраин Гамбурга. Носсак пишет, что в среду 21 июля он отправил-

ся туда, чтобы встретиться со своей супругой Низи, которая арендовала тот домик, чтобы хотя бы на время они могли забыть там о войне. Как пишет Носсак, ровная сельская местность в тот ясный день позволяла хорошо видеть все, что происходило в городе.

Отпуск Носсака продлился недолго. От окончательного крушения, от войны с ее бомбами, вызвавшими пожары и севшими смерть и руины, оставшиеся от того, что было раньше центром города, убежать было невозможно. Всего через несколько дней после того, как Нос-сак отправился из Гамбурга «отдохнуть от войны», время навсегда, по крайней мере для него, оказалось прорезанным гулом 800 самолетов. Гамбург не впервые подвергался воздушным налетам, однако к июлю 1943 года, когда они достигли своей кульминации, как охарактеризовал это Носсак, «пришел конец».

Кратко рассказывая не только о разрушенном Гамбурге, но и обо всем своем потерпевшем крушение мире, Носсак говорит, как он почувствовал, «до какой же ужасающей степени нам пришлось терять связь со всем тем, что было нам когда-то дано». Носсак подчеркивает невозвратную потерю, которую, по его словам, можно было отнести к самому горестному, о чем можно было думать или говорить, представляя, как канул в пучину разрушений бесценный немецкий город. Теперь можно только представлять те навеки исчезнувшие возможности, которые создали бы реальность, отличную от тех неотвратимых бед, в которые он был ввергнут

благодаря деятельности нацистского государства. Можно себе представить, насколько близок к гибели был сам Носсак, и эта фраза означала и то, что человеческие жизни не должны быть обречены на насилие, гибель и уничтожение. Однако по воле людей, главным образом самих немцев, миллионы из них были предоставлены такой участи.

Слова «можно было бы» передают всю глубину отчаяния, которое, вероятно, ощущал Носсак, когда вспоминал отрывок из разговора, который он однажды случайно услышал в пережившем катастрофу Гамбурге.

Обращаясь к своей дочери, старая женщина заметила:

– Разве я не говорила тебе всегда, что ты могла бы... – после чего, как вспоминает Носсак, дочь буквально взвыла, как смертельно раненное животное.

Далее Носсак продолжает, что «в наши дни, когда кто-то в разговоре вот-вот готов обратиться к области «можно было бы», кто-то другой сразу же резко обрывает его или просит замолчать; либо говорящий сам замечает это за собой и резко прерывает себя же: «Ну ладно, это не важно».

Тональность «волков Второй мировой» не похожа на размышления Носсака о судьбе Гамбурга, но эти воспоминания написаны в таком же минорном ключе. Настроение Ханса Тиля менее меланхолично, он не прибегает к поэтическому стилю, как его современник из Гамбурга. Они жили при совершенно разных жизненных обстоятельствах: Носсак – романист, житель города, а Тиль – фермер, выходец из Восточ-

ной Пруссии, местности, географически и культурно отдаленной от современного города. Однако этих двух уроженцев Германии связывает не только общее имя. Они похожи на братьев, хорошо понимающих один другого.

Насколько известно, Носсак и Тиль никогда не встречались, но они хорошо поняли бы друг друга, так как их объединяет одинаковая позиция по отношению к нацизму, которую Ференбах метко охарактеризовал как «встревоженная покорность». Оба были лояльными режиму немцами, но ни в коей мере не убежденными нацистами. Пусть они, как в случае Тилия, выступили на защиту родной земли или, как Носсак, глубоко переживали разрушение родного дома, ни тот ни другой не связывал свои надежды с победой нацистского режима, не доверяли вождям Третьего рейха. Как патриоты и как личности, они множеством способов проявляли себя как «встревоженные немцы».

И Носсак, и Тиль понимали, что их народ идет неверным путем. Они чувствовали обеспокоенность, поскольку не понаслышке знали, какими катастрофическими могут быть результаты нацизма. Но они были обеспокоены тем, что по своей собственной воле оказались на стороне нацистского режима, а не тем, что ему надо было сопротивляться. В значительной мере, независимо от того, как активно они действовали, оба этих человека смирились с сомнительностью своего существования, с тем, что оказались в «серой зоне». Это выразилось в том, что оба они были верны Германии периода

нацизма, времени, о котором они могли сожалеть и даже относиться к нему с омерзением, но не в такой степени, чтобы попытаться оказать сопротивление правителям, крушение и конец которых был близок. Оба понимали это и даже считали такой конец заслуженным.

До 1943 года Носсак написал множество произведений, в том числе пьес и стихов, но, в противоположность заявлениям некоторых о том, что нацисты не позволяли их публиковать, считал, что он сам, а не нацистское государство, выступал в роли собственного цензора. Как бы неприятен ни был лично ему нацизм, он не поднимал свой голос в протесте против режима, и его настороженное отношение никогда не ставило его на путь противодействия нацизму. Негативная оценка национал-социализма Носсаком стала достоянием общественности только тогда, когда давать ее стало безопасным и даже политически оправданным.

Некоторые параллели можно проследить и в случае с Тилем. «Не все выли в хоре волков, – пишет он. – Однако открыто выступить против существующей действительности тоже было невозможно, и обычно это означало конец существования, гибель для тебя и твоей семьи». Определение «невозможно» здесь не вполне корректно: ведь были и такие немцы, которые сопротивлялись, как бы это ни было трудно, какие бы явные угрозы ни несли такие действия для их жизни. А Тиль, похоже, на первых порах приветствовал (или, по крайней мере, не сопротивлялся открыто) некоторые по-

ложения аграрной политики наци, в том числе то, что эта политика освобождала его от военной службы как фермера, вносившего свой вклад в общее дело войны, что считалось бесспорным. Но такой защитой он пользовался недолго. В январе 1945 года Тиль был призван в ряды низов общества, в злосчастный фольксштурм, Национальную народную армию, войско последнего шанса, плохо вооруженные и подготовленные части, состоявшие из стариков и подростков, которых Гитлер в порыве отчаяния бросил на спасение Третьего рейха. Понимая, что сражается за проигранное дело, что это угрожает бедой его дому и семье, Тиль тем не менее храбро сражался на разваливавшемся Восточном фронте Германии; он и его товарищи делали все возможное, чтобы не дать «ужасной Красной армии» разгромить его страну.

Читатели воспоминаний Тиля смогут убедиться, каким мучительно долгим было это крушение для него самого. Попав в русский плен, проведя годы в заключении в послевоенной Польше, регулярно подвергаясь побоям, часто больной и находившийся почти на грани жизни и смерти, едва сумевший бежать в американскую зону оккупации Германии, Тиль, «несмотря на все свое здоровье», коротко отмечается в эпилоге, так и не сумел физически и эмоционально оправиться от ран, нанесенных ему «волками войны».

«Встревоженной покорности» оказалось недостаточно для того, чтобы полностью освободить Тиля от участия в деле защиты его нации, даже если его родина, находясь под вла-

стью нацистского режима, была подвержена антисемитизму, расизму и дискриминации по этническому признаку. Однако следует отдельно выделить то, как жестоко обращались с Тилем его послевоенные польские хозяева, в плену у которых он оказался. Они наказывали его не за конкретные действия, которые он совершал. Они издевались над ним за то, что он был немцем. То жестокое обращение, которому подвергали Тиля и его товарищей-немцев, не следует считать морально оправданными за самые худшие издевательства, которые нацистская Германия обрушила на евреев и поляков. Но не существует жестокости, о которой следует умалчивать, любая жестокость подлежит осуждению. Воспоминания Тиля и, вероятно, и Носсака тоже демонстрируют, что по крайней мере отчасти немцы также были жертвами нарушения прав человека во Второй мировой войне и после нее.

За взлет и падение Третьего рейха Тилю пришлось заплатить более высокую цену, чем Носсаку. В конце войны Носсак пережил свои лучшие дни, по крайней мере, это относится к тому положению признанного писателя, которое он приобрел. Сказать то же о Тиле невозможно. Вероятно, его лучшие дни остались в прошлом, на ферме в Восточной Пруссии, задолго до тех боев, в которых ему пришлось участвовать на Восточном фронте, и до плена. Его воспоминания, написанные в конце 40-х годов, остались необработанными и почти забылись, пока не получили новую жизнь, благодаря Ференбаху, спустя более трех десятков лет после того, как

самого Тиля не стало.

Носсак и Тиль, эти двое разных, но связанных между собой общим отношением «тревожного подчинения» немцев, оставили для своих читателей как минимум четыре животрепещущих вопроса. Первое: почему и Носсак, и Тиль так мало говорят о том факте, что нацистская Германия, выражаясь словами Зебальда, «умервила или замучила до смерти миллионы людей в лагерях», и при этом самыми большими в этой катастрофе были потери евреев? Может быть, зная об этом, им было сложнее жить с чувством беспокойства, но повиноваться при этом нацистской Германии?

Второе: следует ли включить в число жертв Гитлера и национал-социализма Носсака, Тиля и других немцев, похожих на них? Вероятно, ответ здесь может быть и даже должен быть «да». Однако такой ответ означает, и это следует ясно дать понять, что Носсака и Тиля ни в коем случае не следует приравнивать здесь к таким жертвам Третьего рейха, как евреи и другие так называемые «низшие народы», ставшие целью проповедуемого в нацистской Германии геноцида, антисемитизма и расизма. Нацизм и покорность ему со стороны немцев принесли много горя и вреда людям вроде Носсака и Тиля, тем, кто сам не принимал решения быть частью Третьего рейха и все же своими действиями или бездействием не сумел избежать этого. На самом деле они действительно достойны называться жертвами, но этот статус для них является несколько сомнительным и окрашен в серые тона.

Третье: признавая спорность этого статуса, до какой степени немцы, такие как Носсак и Тиль, являлись жертвами нарушения прав человека, причем не только со стороны нацистской Германии, но и со стороны авиации союзников или захвативших их в плен после войны поляков, которые жестоко обращались с немцами по этническим принципам? Этот неприятный вопрос включает в себя одновременно политические соображения во время войны, понятие справедливости, наказания, реституции и возмездия. Различные варианты ответа на него до сих пор витают в воздухе, даже сейчас, спустя десятилетия после окончания Второй мировой войны.

Если все эти предварительные оценки верны, то воспоминания Носсака и Тиля пробуждают еще один тревожащий вопрос. Он меньше касается самих авторов, чем тех, кто, возможно, прочтет эти воспоминания. К счастью, Третьего рейха больше не существует, но граждане многих народов, в том числе и самых крупных держав XXI века, стоят перед дилеммой, связанной с теми обстоятельствами, в которых Носсаку и Тиллю приходилось принимать для себя решения: как же мы сами будем реагировать и действовать, если окажется, что мы принадлежим к народу, который ведут в неверном направлении? Носсак и Тиль выбрали дорогу обеспокоенности, но непротивления. Неизбежно читатель так же окажется перед необходимостью дать оценку тому, как эти люди должны были поступить и чего они не должны были делать. Если

мы прислушаемся к голосам авторов, Носсак и Тиль, в свою очередь, спросят нас: а что бы вы сделали не так, как мы? Что вы могли бы сделать лучше, чем мы, сейчас и в будущем?

Джон К. Рот, писатель

Об этой книге и ее авторе

Ханс Тиль родился в 1902 году на ферме близ Пассен-хайма в Восточной Пруссии, и этот населенный пункт сейчас находится в Польше и называется Пасым. Его семья была одной из самых зажиточных в этом курортном районе, что прежде назывался Алленштейн, а теперь известен как Ольштын. Ханс был младшим из семерых детей, которые впоследствии получили разные профессии, от фермера до адвоката и инженера. Политические взгляды на Третий рейх также разнились от слепой преданности нацизму старших братьев до осторожной лояльности, характерной для Ханса. В свое время Ханс женился и вступил во владение семейной фермой, которая включала в себя мельницу, лесопилку и пшеничные поля. В распоряжении семьи было расположенное поблизости озеро, где зимой можно было кататься на коньках, а летом плавать или кататься на лодке.

В общем, жизнь была хороша. Когда Тиль не был занят на ферме, он любил семейные прогулки или отправлялся в близлежащий лес на охоту. Он был трудолюбив и упорен и к тому времени, когда Германия во второй раз в XX веке вступила в войну, уже повсеместно пользовался уважением и считался «важным для тыла» человеком. По этой причине Тиль остался в тылу, на «внутреннем фронте», продолжая заниматься сельским хозяйством.

Тем не менее среди членов нацистской НСДАП (Национал-социалистической немецкой рабочей партии) Тиль считался человеком с неустойчивыми политическими взглядами.

В первой части своих мемуаров Тиль отчасти рассказывает о своей сельской жизни во время войны. (Чтобы лучше понять, как регламентировалась жизнь аграриев в Германии во время войны, следует ознакомиться с приложением А данной книги.) Автор рассказывает и о других эпизодах жизни в тылу, когда война подошла к границам Восточной Пруссии. Однако большая часть воспоминаний Тиля посвящена последнему году войны, когда его призвали в армию и он стал принимать непосредственное участие в боевых действиях, а также о тех годах, которые он после войны провел в плену.

Призыв и военная служба

По мере того как шла война, людские ресурсы Германии постепенно таяли. Каждый из оставшихся в тылу должен был брать на себя все больше тяжелых обязанностей. В частности, многим фермерам пожилого возраста предписывалось участие в так называемой *Wachtdienst* или «сторожевой службе» в качестве «тыловой сельской охраны». Эта организация была призвана оказывать содействие местным властям. Будучи зажиточным фермером, Тиль должен был управлять большим количеством ферм, что не могло не сказаться негативно на делах его собственного хозяйства. Причиной, как он сам пишет, было «его постоянное отсутствие». Дела для Тили и его фермы пошли еще хуже с лета 1944 года, когда он был мобилизован на строительные работы в *Volksaufgebot* («Народный призыв»), организацию, созданную нацистским правительством для оказания регулярным войскам содействия в строительстве фортификационных сооружений в Восточной Пруссии. Солдаты регулярной армии, как ясно указывает сам Тиль, считали это разнородное собрание гражданских лиц (под контролем функционеров НСДАП) менее чем полезным, а сами мобилизованные часто почти не были заняты работами.

По мере того как разлагался так называемый «внутренний фронт», то же самое происходило и с регулярной арми-

ей, вермахтом. Но Гитлер отказывался от самой мысли о капитуляции. 25 сентября 1944 года он издал декрет о создании народной армии, или фольксштурма, представлявшей собой нечто вроде милиции, задачей которой было оказывать поддержку сражающемуся вермахту. Первые подразделения фольксштурма были созданы в октябре того же года. Как и подразделения «Народного призыва», они подчинялись не командованию вермахта, а функционерам нацистской партии. А поскольку военные формирования подчинялись партии нацистов, а напрямую ими руководили областные и районные функционеры НСДАП (гаулейтеры и крайслейтеры соответственно), с организационной точки зрения фольксштурм с самого начала представлял собой нечто катастрофическое. Все не попавшие под призыв на действительную военную службу здоровые мужчины, от подростков из гитлерюгенда до шестидесятипятилетних стариков¹ (в том числе и те, кто ранее считался «важными для тыла»), теперь подлежали призыву в фольксштурм.

В начале января 1945 года, всего через несколько месяцев после возвращения домой с неудачного мероприятия, организованного «Народным призывом» (и невзирая на свой прежний статус «важной персоны»), Тиль попал под призыв в ряды фольксштурма. А всего через несколько дней, 13 ян-

¹ В фольксштурм подлежали призыву мужчины от 16 до 60 лет, с февраля 1945 года и женщины с 18 лет. Добровольцы в конце войны могли быть старше 62 и моложе 16 лет. (Примеч. ред.)

варя, началось решительное наступление советских войск в Восточной Пруссии. Предполагалось, что солдаты фольксштурма будут защищать лишь те районы, где они проживали, однако многие из них (в том числе и Тиль) увязли в боях на Восточном фронте, где им приходилось обороняться против наступающего противника и помогать в эвакуации немецкого гражданского населения в связи с приближением советской армии.

Ближе к концу войны, поздней зимой и ранней весной 1945 года, общее настроение в немецкой армии быстро падало, повсеместно царили безнадежность и разочарование. Сам вермахт испытывал нехватку оружия и боеприпасов, а подразделения фольксштурма представляли собой сборище кое-как собранных и плохо вооруженных юношей и стариков; немецкая военная машина с трудом оборонялась от гораздо лучше вооруженного сильного противника. Не было никакой надежды на то, что сами немцы теперь когда-либо сумеют сами начать наступать.

Пусть Тиль и не испытывал сильного желания защищать нацистский режим, он тем не менее хотел помочь спасти свой народ и свою землю от разгрома. А поскольку этот разгром становился неминуемым, возможностей у него оставалось немного, и все они были безрадостные. Повсюду царили хаос и анархия. Многие солдаты, доведенные до отчаяния, всеми путями пытались вернуться домой, прибегая в том числе и к самострелу. Сам Тиль не раз рассматривал

возможность дезертировать, а как-то даже задумался о том, чтобы покончить с собой, дабы избежать русского плена.

Но как он сам пишет со свойственным ему мрачным юмором, он не мог допустить, чтобы русские, «вальсируя», вошли в Восточную Пруссию, чтобы «быть представленными здесь нашим женам». В конце концов, Тиль всегда считал себя патриотом Германии и полагал своей обязанностью защищать свой народ. Для него Германия не отождествлялась с Гитлером, вопреки лозунгу того времени «Hitler ist Deutschland!».

В конце войны Тиль приветствовал приход на свою землю войск союзников. Он надеялся, что оккупация союзниками поможет немцам отчасти восстановить чувство чести и собственного достоинства. Однако это радушие не распространялось на советские войска, с которыми ему пришлось столкнуться на Восточном фронте. Ведь те горели мстостью за то, как нацисты обращались с русским населением. Кроме того, русских боялись, как безжалостных завоевателей, которые жестоко попирали все немецкое, с чем им пришлось столкнуться.

Пленение

Как он с горечью отмечает в своих воспоминаниях, Тиль очень боялся русского плена. И этот страх не был чем-то необычным – повсюду ходили рассказы о жестокости со стороны русских. Тем не менее то, о чем он думал с ненавистью, чего так опасался, а именно пленение, все же стало реальностью 28 марта 1945 года, когда его подразделение было опрокинуто советскими танками. Он попал в плен в окрестностях Данцига (сейчас Гданьск) за два дня до того, как пал сам город. Прорвавшись под конвоем беспредельный, с его точки зрения, путь чуть ли не через всю Померанию, Тиль был освобожден по окончании боевых действий в мае 1945 года. Или, по крайней мере, так это должно было произойти. Как пишет Тиль в своих воспоминаниях, русские приказали ему и еще некоторым солдатам в составе группы отправиться в местную администрацию. Там его и его спутников должны были обеспечить транспортом для отправки домой. Однако на вокзале в Бромберге (теперь Быдгощ) русские таинственным образом исчезли, а пленные, истощенные и больные, попали в руки поляков.

Поляки распределили пленных по разным польским лагерям, разбросанным в том районе. В некоторых прежде, всего за несколько дней до того, как их ворота распахнулись после прибытия советских войск, размещались схваченные

нацистами поляки и евреи. Главный лагерь, где Тиль провел довольно долгое время своего заключения, располагался в поселке Потулиц (ныне – Потулице). Он был создан как сборный лагерь в 1941 году, и управление там осуществлялось СС (Schutzstaffel), элитной военизированной организацией нацистской партии, возглавляемой Генрихом Гиммлером. Затем, начиная с лета 1942 года, Потулиц стал рабочим лагерем, являясь филиалом печально известного концентрационного лагеря Штуттхоф, расположенного восточнее Данцига. После начала советского наступления 20 января 1945 года эсэсовцы закрыли лагерь, а через несколько дней туда вошли русские, которые в июне передали его в распоряжение польской тайной полиции.

Польская администрация обращалась с обитателями лагеря ужасно. С самого начала заключения в лагерь самой большой бедой Тилиа стал его статус заключенного. Поскольку бойцы фольксштурма не относились к регулярной армии, противник классифицировал их как гражданских лиц (по крайней мере, с начала своего существования они не получали обмундирования и лишь носили нарукавную повязку, подтверждающую принадлежность к военизированной структуре, которая надевалась поверх обычной гражданской одежды), и, следовательно, не попадали под защиту Женевской конвенции. Кроме того, когда советские войска прорвали немецкую оборону на Восточном фронте, формирования немецких войск оказывались разбитыми, и Тилию, как и

многим другим бойцам фольксштурма, пришлось сражаться в составе регулярных частей вермахта. Сомнительный военный статус этого человека стал причиной многих проблем для него как в плену у русских, так и в заключении у поляков. Однако больше всего Тиль пострадал за те три года, что находился в руках польских властей.

За этот период Тиль подвергался как словесным, так и физическим издевательствам, его переводили из одного лагеря в другой, его постоянно обманывали, обещая отправить домой, лишили многих жизненно важных потребностей. Когда наконец по решению польских властей Тиль предстал перед судом, он успел провести полтора года в заключении, и на протяжении этого времени он ничего не знал о своей дальнейшей судьбе и о намерениях своих тюремщиков. Он не был уверен в том, что ему не придется провести в этом аду остаток своих дней. Едва живой при голодном пайке, пытавшийся выдержать одну пытку за другой, Тиль мог только гадать, увидит ли когда-нибудь снова свою семью.

Даже после того как он был осужден по приговору польского суда, беспристрастность и объективность которого была по меньшей мере сомнительна, он не получил ответа ни на один из своих вопросов. Судья отказался определить, входят ли в полученный Тилем трехлетний срок полтора года, уже проведенные в польском заключении. И, помимо всего прочего, Тилиа обязали оплатить судебные издержки, хотя всем было понятно, что находящиеся в плену не имели

ни денег, ни ценных вещей. Мучительная и непредсказуемая жизнь в заключении продолжалась, и значительную ее часть Тилью пришлось провести в компании гражданских преступников в Конице (ныне – Хойнице).

Первые один или два года, в зависимости от конкретного лагеря или тюрьмы, поляки не позволяли заключенным писать или получать письма. Таким образом, какое-то время Тиль не знал, покинула ли его семья свой дом, выжили ли они, все ли у них благополучно. Не знал он и то, известно ли им что-либо о его судьбе. На самом деле, пока Тиль был от них далеко, находясь на фронте, а потом в заключении, его жене с двумя дочерьми и малолетним сыном пришлось в начале 1945 года пройти путь сотен тысяч других беженцев, покинувших Восточную Пруссию. Им пришлось бросить почти все свои пожитки, так как русские солдаты к тому времени были уже всего в 3 километрах.

Семья Тиля отправилась сначала в Кенигсберг (ныне Калининград), потом – в Готенхафен (Гдыня) и, наконец, им удалось попасть на борт одного из последних судов, следовавших из Готенхафена в Данию. (По иронии судьбы Тиль попал в плен как раз у Готенхафена, близ Данцига, всего через пару месяцев после этого.) После войны семья наконец вернулась в Германию и поселилась в Касселе. Но во время бегства умер сын Тиля Томас. Получив наконец возможность связаться с родными, Тиль узнал, что все его родственники, кроме сына и одного из братьев, живы и здоровы, но

и тогда он не знал, увидит ли когда-нибудь их снова, сможет ли покинуть тот ад, в который попал. А это был действительно ад, поскольку в новых польских лагерях была более чем скрупулезно воссоздана та обстановка, что царила в нацистских концентрационных лагерях.

Там не только сохранились прежние постройки, но и родственники многих вновь назначенных комендантов таких лагерей во время войны сидели в немецких концлагерях. И теперь лагерная администрация подвергала немцев тем же издевательствам, как те, в результате которых совсем недавно погибли сотни тысяч представителей польского народа. Особенно знаменит своими массовыми экзекуциями был лагерь Кальтвассер близ Бромберга (Быдгощ). После того как в конце 1945 года этот лагерь был закрыт, его обитателей отправили в расположенный поблизости лагерь Лангенау (Легново), где какое-то время провел и Тиль. В конце концов заключенных из Лангенау и всех остальных расположенных поблизости лагерей отправили в Потулиц.

Большинство из отбывавших в тех лагерях наказание немцев не были виновны в преступлениях нацистов. Почти все они были некомбатантами, и значительную долю среди них составляли женщины и дети. Лишь небольшой процент заключенных приходился на военнопленных, в том числе тех, которые, подобно нашему автору, были призваны лишь в самый последний момент для защиты своих домов и семей и не испытывали особой привязанности к Гитлеру и нацистам.

Вот Тилья выпускают из Потулица, и он уже стал питать надежды на скорую отправку домой, когда вместо этого его доставили в другую тюрьму, в Кониц, где тогда содержались гражданские преступники. Позже его снова вернули в Потулиц, и все повторилось в том же порядке: надежда на освобождение, а затем – новое место заключения. После почти четырех лет заключения Тилья перевезли из Польши в Восточную Германию и там освободили. Наконец он сумел найти свой путь к свободе: при первой же возможности Тиль тайно проник на поезд у границы с Западной Германией (между землями Гессен и Тюрингия), на котором добрался до американского сектора.

Если бы даже поляки и русские не препятствовали возвращению автора воспоминаний в Восточную Пруссию, Тиль все равно никогда больше не увидел бы свою ферму. По результатам Потсдамской конференции все имущество проживавших там немцев подлежало конфискации, а сами они должны были переселиться западнее, за линию по Одере и Нейсе. Но соглашения, заключенные союзниками в Потсдаме, мало значили для человека, которому довелось лично наблюдать за тем, как его польский хозяин порвал на клочки документы об освобождении, выданные ему взявшими его в плен русскими, а затем швырнул эти бумажки на землю перед ним.

Несмотря на все эти ужасные преступления, спустя 60 лет, в отличие от широко распространенной информации о звер-

ствах Гитлера и нацистов, очень немногим было известно о том, что такое могло твориться в послевоенной Польше. Скудости материала способствовал целый ряд факторов, в том числе, возможно, и боязнь того, что заинтересованные критики могут усмотреть в освещении и обсуждении фактов насилия в отношении немецких заключенных, как военных, так и гражданских, попытку защиты нацистов. Но сокрытие или замалчивание фактов насилия, где бы и в какой форме оно ни осуществлялось, никак не идет на пользу исторической правде. Как сказал Эли Визель: «Любой, кто не старается активно и постоянно напоминать и не заставляет помнить других, является пособником врага» («Масштабы холокоста», 1977).

Наконец, будучи очевидцем, который почти наверняка делал свои записи для семьи, которой он и отправил переведенный здесь документ, Тиль по понятным причинам не предоставляет документальные подтверждения своих слов, как это требуется от историка или журналиста. Время от времени изложенные там факты подтверждаются в работах историков, которые писались спустя десятилетия после событий, им описанных. Иногда речь идет о чем-то общем, как, например, использование набранных по призыву мужчин в подразделениях «Народного призыва» при возведении оборонительных сооружений в Восточной Пруссии в 1944 году. Однако порой находят подтверждение и более частные случаи, как, например, описание развешенных в Данциге на де-

ревьях тел казненных в качестве акта возмездия с плакатами на груди, где перечислялись совершенные ими преступления. Или описание празднования Рождества в Потулице (см. Дэвид Йелтон, «Фольксштурм Гитлера», 2002 и Кристофер Даффи, «Красная буря в рейхе» 1991). Эти описания являются яркими свидетельствами того, что труд Ханса Тилля может послужить для того, чтобы шире распахнуть глаза историков на события, которые были признаны лишь недавно, и что он позволяет взглянуть на них взглядом того, кто лично пережил все те страшные годы.

Тиль как мемуарист

Не всякий читатель будет одинаково реагировать на те события, которые Тиль описывает в своих воспоминаниях, да и отношение к самому автору может быть разным. Однако большинство, скорее всего, согласится с тем, что гамма настроений в повествовании постоянно меняется от злости к настоящему отчаянию, от страха – к случайной надежде, от отвращения – к своеобразному юмору, что придает тексту характер аутентичности, заставляет принимать его и даже относиться с сочувствием. Юмор всегда оттенен иронией, порой доходящей до уровня сарказма. Возможно, эти мрачные шутки объясняются характером аудитории и в не меньшей мере – характером самого автора. В конце концов, аудиторию Тиль почти точно ограничивал своей семьей, а может быть, даже всего лишь одним из братьев, которому он отправил этот документ как нечто вроде длинного письма. Для такого документа характерна почти полная откровенность, вызванная близкими родственными отношениями автора и получателя, которые, помимо всего прочего, обеспечивают легкость в личном общении.

Привлекают особое внимание некоторые страницы воспоминаний, описывающие поведение Тилия в различных обстоятельствах. Одной из них является постоянное нежелание Тилия занимать по рекомендации администрации любую

командную должность. Это нежелание могло быть вызвано просто намерением всегда оставаться в тени, так как потенциально любая должность несет с собой ответственность, а также риск последующих жалоб и даже обвинений. То, что, несмотря на это нежелание, его постоянно назначали на такие должности, можно объяснить отчасти его энергией, очевидным опытом управления и даже откровенно впечатляющими внешними данными – при росте 195 сантиметров Тиль обладал внушительной фигурой. Так, в фольксштурме Тиль в возрасте между 40 и 45 годами попал в общество тех, кому зачастую было либо за шестьдесят, либо, наоборот, юношей из гитлерюгенда, которым еще не исполнилось 18 лет.

Кроме того, Тиль часто упоминает о своей необыкновенной удачливости и способности избегать откровенно опасных ситуаций. Но при этом порой он, похоже, считает, что выжил благодаря редкой сообразительности и силе духа, а не удачливости, описывает свои действия как результат скорее храбрости и умения, чем просто фортуны. Эти два объяснения входят в странное противоречие между собой. С одной стороны, автор подчеркивает свою удачливость, описывает случаи, когда держится скромно, на грани унижения, и это спасает его. Вот отрывок из его текста: «Как я говорил, они никогда не знали, как поступить со мной – у них не было никаких причин напасть на меня». В то же время здесь присутствуют описания храбрости и непобедимого духа; в частности, он настаивает на том, что никто не может тронуть его

просто так: «Никто не прикаснется ко мне, оставшись безнаказанным», что находится явно за гранью человеческой скромности. Это странное сопоставление несопоставимого, однако, вполне объяснимо. Оно просто демонстрирует, как сложно было понять самому Тилю то, как ему жить и, в конце концов, выживать среди разнообразных «волков», появление которых было вызвано войной. В целом, однако, судя по оставленному нам Тилем документу, можно понять, что его выживание, как и выживание многих других при схожих обстоятельствах, меньше всего зависело от его умения хитрить и еще меньше – от способности одержать верх над «волками войны»; важнее было умение выживать и держаться до тех пор, пока не окажешься на свободе, если даже и не вернешься к прежней, по-настоящему мирной жизни.

Ирония и зачастую черный юмор особенно присущ метафорам, которые порой не соответствуют словам, которыми они описываются. Это может служить отражением неосознанного применения автором средств для защиты от ужасов, которые он испытал, о которых пишет. Среди этих особенно характерных примеров применения черного юмора можно привести уже упоминавшийся ранее пассаж: автор не собирался позволить русским «вальсировать» в своей стране и «предоставить им наших жен». А далее он часто называет пули и другое смертельное оружие «подарками» от противника. О появлении пестрой толпы бойцов фольксштурма автор говорит так: «Какой-нибудь разбойник-барон был бы

доволен таким пестрым и колоритным войском». О жестоком бое: «Мы видели, как раненые помогают друг другу, а мертвые уже не нуждались в помощи». И о четырех солдатах, которых он увидел мертвыми перед разложенной перед ними снедью: «Должно быть, эти четверо давно уже не ели». О том, как бой вселяет в людей силы: «Мимо ушей со свистом летели тяжелые комья земли, и старые ноги сразу же стали на удивление проворными». Наконец, у него есть желчный комментарий по поводу расположения тюрьмы в Конице: «Характерным является то, что тюрьмы всегда строятся стеной к стене со зданиями культа». А прокомментировав, как партийные бонзы сновали туда-сюда на своих больших машинах «с прихорашивающимися потаскухами», Тиль продолжает с настоящим юмором висельника: «Пусть они того и заслуживали, но никто из нас не осмелился прострелить колеса тех машин – заседания военного трибунала проходили очень быстро: достаточно было найти поблизости дерево». Все эти пассажи и зарисовки позволяют охватить всю сложность и неразбериху событий тех времен, что невозможно было бы при обычном описании, даже тогда (вернее, особенно тогда), когда они уместны для того, о чем идет речь.

О рукописи и работе над ней

Рукопись Тиля – 86 скрепленных между собой страниц, написанных с небольшими интервалами, пролежала практически нетронутой почти 50 лет после ее получения братом Тилем, проживающим в США. С ней ознакомились всего несколько человек. Некоторые пытались перевести ее, но все эти попытки были недостаточно настойчивыми, и рукопись явно стала угрожать опасность пропасть в жаркой мансарде дома в штате Виргиния. Являясь другом семьи Тиля, я слышал о его воспоминаниях и, изучая письменный перевод в университете Брауна, как-то вспомнил об этом документе и спросил о нем. Он снова был извлечен на божий свет, и хрупкие страницы попали в мои руки прежде, чем время сделало невозможным их прочтение.

Одной из причин того, что все прежние попытки перевода оказались тщетными, было то, что документ предъявлял особые требования к переводу. Тиль часто использует слова, которые отличаются от употребляющихся в современном немецком языке, а какая-то часть его словаря полностью вышла из употребления, за исключением, может быть, отдельных диалектов. В других случаях Тиль пытается транскрибировать русские или польские слова, часто неправильно, что делает их распознавание чрезвычайно сложным. Некоторые из слов удалось распознать благодаря знанию расположения

клавиш печатной машинки. Например, часто автор пишет ost, что означает east (*англ.*, восток) вместо ist, глагола «быть» в третьем лице единственного числа (*англ.* is).

Кроме того, непонятны намерения самого Тилья относительно того, как поступить с рукописью. Этот вариант, очевидно, не был завершённым, если только автор намеревался когда-либо написать окончательную версию своих воспоминаний. Даже сам немецкий язык, с которым знакомы некоторые из современных читателей, порой сложно понять из-за грамматических ошибок и зачастую слитно напечатанных на одном месте нескольких букв. Были и другие многочисленные ошибки, пропуски и переносы, а порой Тиль просто сбивался с мысли на середине фразы. Значительную сложность для перевода, как часто бывало, представляли фрагменты предложений без подлежащего, постоянный переход на разные грамматические времена. Некоторые такие стилистические ошибки были исправлены по умолчанию, однако многие, в особенности многочисленные резкие переходы с одного времени на другое, оставлены так, как это было в рукописи. Исправив их, мы неминуемо серьёзно нарушили бы характер воспоминаний, как они были написаны автором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.